

Долго и трудно вынашивала Севастопольская земля одну из своих главных святынь – собор Святого равноапостольного князя Владимира. Храму этому суждено было стать усыпальницей славных русских адмиралов.

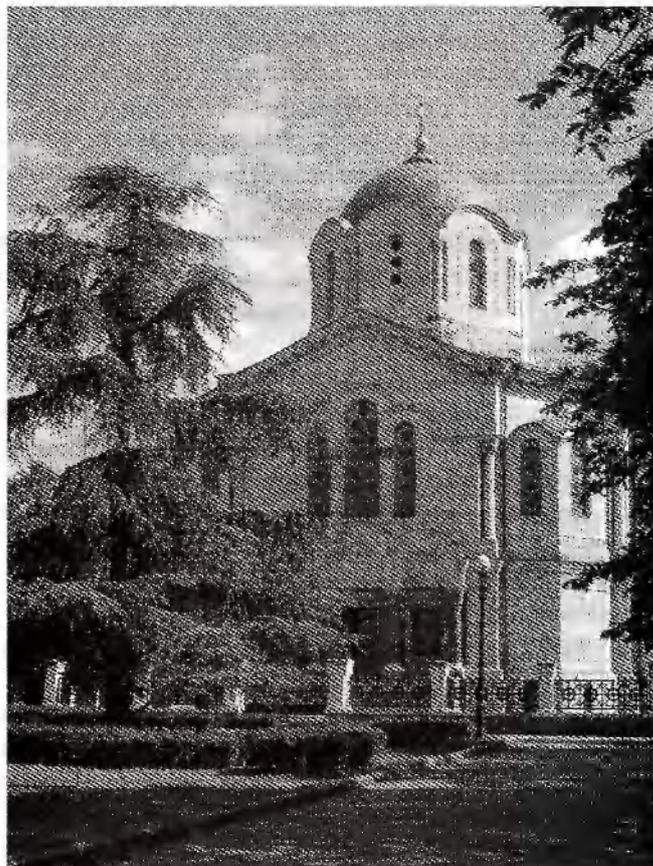
а) Владимирский собор

Сергей АКСЕНТЬЕВ

Там русские спят адмиралы...

Летом 1834 года, вступив в командование Черноморским флотом и портами, сорокапятилетний вице-адмирал Михаил Петрович Лазарев сразу испросил у императора Николая I позволения воздвигнуть храм во имя святого равноапостольного князя Владимира не в Херсонесе, как намечалось ранее, а в центре Севастополя. Именно здесь, справедливо считал адмирал, *«он с пользой для жителей может быть, как драгоценный для каждого россиянина памятник, чаще посещаем, нежели за несколько вёрст от города»*. Государь с доводами согласился и в июне 1842 года определил место для строительства, указав на плане Севастополя городской холм, откуда храм должен одинаково хорошо смотреться и с моря, и с суши.

Но одно дело – замыслить, а совершенно другое – его исполнить. Российская бюрократия бесконечными согласованиями, корректировками, отписками и отсрочками могла легко сгубить любое прекрасное начинание. Проект пятикупольного храма, представленный архитектором К.А.Тоном, император одобрил 11 апреля 1845 года, а смету расходов на постройку собора специально созданная строительная комиссия «вчерне» (!) составила лишь к ноябрю 1850 года. Михаил Петрович со свойственной ему энергией сам взялся контролировать ход подготовительных работ, опасаясь, что если оставить это чиновникам, дело будет загублено. Вместе с архиепископом Херсонским и Таврическим Иннокентием Лазарев составил перечень икон и порядок их расположения в иконостасе, привлёк к работе петербургского художника Николая Аполлоновича Майкова. И тут же строительная

комиссия потребовала, чтобы живописец согласовывал эскизы иконостаса со Святейшим Синодом. Это означало новый виток бумажной волокиты. Художник обратился к адмиралу: *«Если я представлю [эскизы] в Синод, то очень может случиться, что сделают перемены как в эскизах, так и в размещении, перемены, не согласные с желанием Вашего Высочайшего Превосходительства и Его Преосвященства...»* Командующий ответил незамедлительно: *«...эскизов представлять на утверждение Святейшего Синода нет никакой надобности»* – и для верности поручил начальнику штаба Черноморского флота вице-адмиралу В.А.Корнилову лично посетить в Петербурге мастерские художника, осмотреть работы, которые здесь готовили для храма.

Михаил Петрович Лазарев скончался в Вене 11 апреля 1851 года на 63-м году жизни. К этому времени большая часть заказанных для иконостаса полотен уже находи-

лась в Николаеве (дальнейшая их судьба неизвестна), а на территории будущего храма заканчивали подготовку к закладке фундамента. Адмирала решили похоронить в специально сооружённом склепе, в центре участка земли, очерченного под строящийся храм. Боевые товарищи – вице-адмирал В.А.Корнилов и адмирал П.С.Нахимов выразили желание иметь, когда придёт их час, место упокоения рядом со своим флотоводцем, и склеп строили на три захоронения. К 5 мая 1851 года, дню прибытия в Севастополь парохода «Владимир» с телом усопшего, всё было готово к отданию ему последних земных почестей. 7 мая после панихиды погребальная процессия, проследовав в склеп, установила гроб на каменные подставки. Вход накрыли каменным сводом, прочитали последние молитвы и замуровали. С кораблей Черноморского флота, стоявших на рейде с перекрещенными реями и припущенными флагами, грянули пушечные выстрелы прощального залпа.

Через три года, 15 июля 1854-го в присутствии начальника штаба Черноморского флота и портов генерал-адъютанта вице-адмирала В.А.Корнилова и командира Севастопольского порта вице-адмирала М.Н.Станюковича состоялось официальное освящение закладки собора. А война уже стояла у порога...

До высадки войск противника под Евпаторией (2 /14 сентября 1854 года) успели почти на метр поднять над землёй стены храма, однако после поражения русских войск на реке Альме город был переведён на осадное положение, строительные работы прекращены – все силы были сосредоточены на возведении оборонительных сооружений.

Во время первого обстрела города смертельно раненный на редутах Малахова кургана руководитель обороны вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов, умирая, напутствовал своих офицеров: *«Отстаивайте же Севастополь»*. Похоронили адмирала, как и было им завещано, рядом с его командиром. Павел Степанович Нахимов, возглавивший после смерти друга оборону Севастополя, сообщал обер-интенданту Черноморского флота и портов контр-адмиралу Н.Ф.Местлину: *«Владимир Алексеевич умер как герой. Завтра снова дело. Я не знаю, что будет с Севастополем без него – и на флоте, и в деле на берегу...»*

Менее чем через год (7/19 марта 1855 года) на Камчатском люнете был убит начальник 4-го отделения оборонительной линии контр-адмирал Владимир Иванович Истомин. Уведомляя о постигшем горе брата погибшего, П.С.Нахимов писал: *«...По единодушному желанию всех*

нас, бывших его сослуживцев, мы погребли тело его в почётной и священной могиле для черноморских моряков, в том склепе, где лежит прах незабвенного адмирала Михаила Петровича и первая высокая жертва защиты Севастополя, покойный Владимир Алексеевич. Я берёг это место для себя, но решился уступить ему... Три праха в склепе Владимирского собора будут служить святынею для всех настоящих и будущих моряков Черноморского флота». После похорон адмирал Нахимов отправил донесение исполняющему обязанности командующего генерал-адъютанту Д.Е.Остен-Сакену: *«Контр-адмирал Истомин убит неприятельским ядром на вновь воздвигнутом Камчатском люнете. Хладнокровная обдуманность при неутомимой деятельности и отеческом попечении, соединённая с блистательной храбростью и благородным возвышенным характером, – вот черты, отличавшие покойного... Качества эти, взлелеянные в нём бессмертным нашим учителем адмиралом Лазаревым, доставили ему особенное исключительное доверие и навшего героя Севастополя вице-адмирала Корнилова. Духовная связь этих трёх лиц дала нам смелость, не ожидая вашего разрешения, действовать по единодушному желанию всех нас, товарищей и подчинённых убитого адмирала: обезглавленный прах его удостоен чести помещения в одном склепе с ними. ...Зная лично Истомина, вы поверите скорби, удручающей Севастополь с минуты его смерти, и разрешите согласием это распоряжение»*.

Спустя три месяца после написания этих строк не стало и самого Павла Степановича. Он был смертельно ранен в голову на Малаховом кургане... Один из участников тех событий вспоминал: *«Всё здесь так явно и сильно воодушевлено душой и силой Нахимова, что невозможно не осознавать, что он действительно олицетворяет настоящую эпоху, и нельзя представить, что было бы без него...»* Его похоронили в отдельной могиле рядом с Михаилом Петровичем Лазаревым и боевыми товарищами Владимиром Корниловым и Владимиром Истоминным.

...А за тридцать лет до этого лейтенант Павел Нахимов, мичман Владимир Корнилов и гардемарин Владимир Истомин на палубе легендарного «Азова» под командованием капитана I ранга Михаила Лазарева в Наваринском бою личным героизмом и отвагой добывали славу Российскому флагу. Все они, прославленные адмиралы, отдавшие жизнь за Отечество, упокоились рядом со своим великим учителем. Очевидец тех скорбных дней сообщал родственникам в Петербург: *«...траурная процессия начала двигаться на холм к склепу – месту упокоения Павла Степановича Нахимова.*

Все были в слезах, а стечение народа было так велико, что по всему пути шествия процессии до склепов, разрушенные крыши и обвалившиеся стены были тесно покрыты людьми всех сословий. Без всякого приказа, без чьих-либо распоряжений легла огромная, подобно руинам города, скорбь. Гроб опустили, корабли приспустили флаги, прогремел пушечный салют, как салютовали адмиралу при жизни, утихла пальба на бастионах. ...Его похоронили в том месте, где он стоял при погребении Истомина, и около того, которое он сам себе готовил в твёрдой уверенности, что должен пасть за Севастополь». Так собор Святого князя Владимира, ещё до своего рождения, стал памятником одиннадцатимесячной обороны Севастополя и усыпальницей её отважных руководителей.

...В сентябре 1855 года англо-французские интервенты вступили в разрушенный до основания город. Начались массовые грабежи и мародёрство. Капитан-лейтенант А.Б.Асланбегов и его товарищи, посетившие усыпальницу в марте 1856 года, увидели склеп осквернённым. Проломы срочно заделали, над усыпальницей адмиралов 19 августа 1856 года установили временный памятник.

Двумя годами позже прибыла специально созданная комиссия, осмотревшая склеп и составившая акт по результатам осмотра. Поражает чудовищность вандализма, совершённого представителями «просвещённых» наций – англичанами и французами: склеп был взломан, гробы вскрыты, эполеты с покойных адмиралов сорваны.

С тех пор в жизни многострадальной усыпальницы и фактически не начатого строительства собора наступили долгие годы неопределённости. Снача-

ла по указанию управляющего Морским министерством великого князя Константина Николаевича на городском холме решили продолжить строительство собора, но уже во имя святого князя Александра Невского, по изменённому проекту. Потом вообще упразднили строительную комиссию, и вместо собора

было приказано строить часовню при Инвалидном доме. Но и от этой идеи отказались. Наконец 2 апреля 1862 года высочайше утверждается новый проект собора, разработанный архитектором А.А.Авдеевым. Пятиглавый храм, предложенный К.А.Тоном, был отвергнут и спроектирован однокупольный, в строгом византийском стиле, с верхней церковью во имя

князя Владимира и нижней криптой-усыпальницей адмиралов во имя Николая Чудотворца. Только через десять лет приступили к внутренней отделке. В общей сложности строительство собора длилось тридцать четыре года. Ещё в 1881 году, до освящения нижнего храма, великий князь Константин Николаевич предложил вдоль северной, южной и западной стен крипты вровень с полом устроить гробницы для будущих захоронений. А в верхнем соборе установить настенные мраморные доски с именами умерших Георгиевских кавалеров – защитников Севастополя. Указание было исполнено, и в феврале 1883 года последовал высочайший указ, определявший порядок захоронения в Морском соборе.

Первым в гробнице адмиральской крипты упокоился последний командир обороны Малахова кургана контр-адмирал Пётр Александрович Карпов. Всего же здесь обрели вечный покой девять адмиралов. Среди них активный участник обороны Севастополя, Георгиевский кавалер адмирал Владимир Петрович Шмидт (скончался 12 февраля 1909 года в Ревеле), племянник которого лей-

тенант Пётр Шмидт в ноябре 1905 года возглавил мятеж на кораблях Севастопольской эскадры...

К началу Великой Отечественной войны в обветшавшем соборе находился склад политуправления Черноморского флота.

Во время второй обороны Севастополя (1942–1944) в крипте располагалось бомбоубежище, потом – госпиталь, а в северном портике верхнего храма – корректировочный пост 1-го гвардейского отдельного дивизиона. Слава Богу, прямых попаданий крупных бомб в собор не случилось. Но снаряды, пожары и осколки разрывавшихся рядом бомб изуродовали и обезобразили мраморные колонны, стены и плиты на фасадах с именами адмиралов М.П.Лазарева, П.С.Нахимова, В.А.Корнилова, В.И.Истомина. Эти жестокие отметины войны отчётливо видны и сейчас. Серьёзно пострадал и купол собора. К моменту освобождения города (9 мая 1944 года) от храма остался лишь закопчённый металлический каркас и чудом уцелевший трёхметровый позолоченный крест. Так он и простоял более двадцати лет – изуродованный, брошенный, забытый...

Решение о восстановлении собора появилось после выхода в свет в 1965 году специального постановления Государственного комитета по делам строительства СССР. Сначала работы велись методом «народной стройки», и средств не хватало. Тогда в соборе стали устраивать благотворительные концерты, выставки, лекции, продавать краеведческую литературу. На специально открытый благотворительный счёт поступали денежные средства как от отдельных граждан, так и от организаций. К середине 1991 года было собрано более 126 тысяч рублей.

В октябре того же года верхний храм вновь освятили и приступили к реставрации крипты. Но прежде чем укрыть усыпальницу четырёх адмиралов новым надгробием (прежнее оказалось разрушенным), решили выяснить состояние склепа. И тут членам специальной комиссии открылась жуткая картина варварства. понадобилось почти две недели усиленного труда, чтобы очистить усыпальницу, а останки прославленных адмиралов аккуратно собрать и отправить для идентификации на специальную экспертизу. Затем их поместили в новые дубовые гробы и 28 февраля 1992 года доставили в Оборонительную башню Малахова кургана, место гибели В.А.Корнилова и П.С.Нахимова.

Утром 29 февраля четыре гроба, покрытые Андреевскими флагами, установили на артиллерийские

лафеты, и траурная процессия в сопровождении почётного эскорта проследовала в Аполлонову бухту. Катер с останками адмиралов под несмолкаемую канонаду пушек кораблей Черноморской эскадры, выстроившейся на Севастопольском рейде, проследовал к Графской пристани. Оттуда гробы старшие морские офицеры на руках перенесли к Свято-Владимирскому собору. После литургии и панихиды, отслуженной епископом Симферопольским и Крымским Василием, гробы опустили в реставрированный склеп, где теперь они покоятся с миром.

Завершая рассказ о храме-усыпальнице, хочу обратить внимание читателей на колокола собора. В 1920-е годы, когда храм был закрыт, колокола, отлитые на знаменитом Мало-Охтинском колокольном заводе в Санкт-Петербурге, отправили на переплавку. Вновь колокольный звон с городского холма прозвучал лишь в скорбные минуты перезахоронения адмиралов.

...В сопровождении настоятеля собора я с волнением поднимаюсь по узкой винтовой лестнице на звонницу. Проникновенный рассказ батюшки о многострадальной судьбе храма наглядно иллюстрируют каменные стены с неуничтожимыми отметинами пожаров и глумления. Три больших и четыре малых колокола ныне звонят с Владимирского собора. Колокола не специальной отливки, а подарок гидрографов и военных моряков Черноморского флота. Самый большой, чугунный, раньше нёс службу на Карантинном молу. Рядом с ним – бронзовый, с Лукульского створа, а третий – с Евпаторийского маяка. Не одно десятилетие эти труженики хранили морских путешественников от туманов, бурь и невзгод. С приходом на смену современных технических средств они, сменив мирские дела на духовные, задают теперь тон церковному звону. Четыре малых колокола (корабельные рынды) раньше отбивали на ютах боевых кораблей морские склянки и вместе с экипажами несли круглосуточные вахты.

А золочёный трёхметровый накупольный крест возрождённого собора сегодня, как и в былые времена, с высоты городского холма благословляет в путь моряков, отправляющихся на боевые дежурства, учения, в дальние походы.

При подготовке статьи были использованы материалы из книги «Собор Святого равноапостольного князя Владимира – усыпальница выдающихся адмиралов Российского императорского Флота». Симферополь, 2004.